

МАША
ТРАУБ

О чем говорят младенцы

Маша Трауб

О чем говорят младенцы

«ЭКСМО»

2011

Трауб М.

О чем говорят младенцы / М. Трауб — «Эксмо», 2011

ISBN 978-5-699-48886-5

Эта книга – про детей и родителей. Мне захотелось взглянуть на мир глазами маленькой девочки, которая еще не умеет говорить, и улыбнуться. Вспомнить, какое это было счастье, какая радость. Простая и бесхитростная, но – настоящая. Та радость, которую может принести только ребенок. Твой ребенок.

ISBN 978-5-699-48886-5

© Трауб М., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Предисловие	5
О чем говорят младенцы	7
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Маша Трауб

О чем говорят младенцы

Счастье матери – когда все дети дома. И когда они спят.

Предисловие

Если уткнуться носом в шейку ребенка, за ушком, глубоко вздохнуть и закрыть глаза, то на миг – очень короткий и одновременно бесконечный – можно ощутить то самое абсолютное счастье. Запах ребенка, младенца невозможно описать. Самый сладкий запах на свете. Он сильнее афродизиаков и мощнее адреналина. Ради этого запаха можно отдать жизнь, не задумываясь. Им хочется задохнуться. Я беру свою маленькую дочь на руки, осторожно трогаю ее леньяные, как у всех младенцев, волосики, утыкаюсь в нее носом и умираю от счастья...

Спать, спать, спать. Сделать маникюр. Не подходить к плите. Уехать далеко и почувствовать себя свободной. Молодой и красивой. Делать карьеру, флиртовать, пить вино и болтать с подружками. Купить новое белье, красивое платье с вырезом, туфли на высоких каблуках, покрасить волосы и сделать стрижку. Сесть на диету, потанцевать, сделать еще тысячу дел...

Это то, чего хочет каждая женщина. А мать двоих детей, один из которых младенец, особенно. Дети – это счастье. И муж – тоже счастье. Но как иногда хочется забыть про сопли, кашки, растяжки, памперсы, уроки, тренировки, прививки, режим и правильное питание! Забыть, хоть на секунду, про ответственность, планирование, семейный бюджет, очередную сломанную стиральную машину, в которую ребенок засунул деталь от конструктора или игрушку, перегоревшие лампочки, которые не выдерживают удара мячом, коляску, санки, лыжи, сандалии с супинатором... Как же не хочется делать хвост – классическую прическу всех молодых мам, поскольку нет времени на укладку феном. Не хочется чистить ванную, мыть полы, колеса коляски, гладить школьную форму и смотреть в дневник, чтобы вспомнить, что класть на сменку – кроссовки или ботинки. Как же не хочется утром вставать и варить кашу, потом суп на обед и ехать в магазин, потому что все опять съели. Хочется уснуть вечером и проспать до утра – непрерывным, глубоким сном. Не выставлять с вечера на тумбочку рядом с кроватью две бутылочки – с чаем и с йогуртом, три соски и два памперса. Не собирать по утрам портфель, не собранный с вечера. Не искать с утра потерянные перчатки, шапку и шарф, забытый в школе. Не вскакивать в семь утра, во сколько бы ни лег вечером. Не писать эсэм-эски мужу: не забудь купить туалетную бумагу, потому что какие тут «люблю, целую», когда ребенок размотал последний рулон по всему дому.

Почисти зубы, умойся, сиди ровно, ешь, я сказала, что получил в школе, почему опять дырка на штанах, где один ботинок, почему пиджак в портфеле, а не на тебе?

Прогулка, обед, опять прогулка. Старые штаны и растянутый свитер, теплая куртка на два размера больше и растоптанные ботинки. И кажется, что это никогда не кончится. Ни-ког-да. И еще мама или свекровь, которая по телефону дает советы и говорит сокровенное: «Ты знала, на что шла, когда заводила детей». Или еще вот это: «А как мы вас растили? Руками стирали и без памперсов! И в двух местах работали!» Или еще вдогонку: «Что ты все время ноешь? Ты молодая и здоровая, а я старая и больная и то не ною». И бесконечные рассказы, как они толкли яичную скорлупу, купали нас в очереди, заплетали косы и доставали пюре «Неженка», стоя в очередях.

Беременным кажется, что они никогда не родят. И только вид мам с детьми успокаивает – они же родили, значит, и я смогу. Молодым мамам кажется, что дети никогда не вырастут и бессонным ночам не будет конца.

Дети рождаются и вырастают. Очень быстро. Слишком быстро. То, от чего раньше рыдала, вспоминается со смехом и грустью. Грустью оттого, что счастливое время, когда прорезывание очередного зуба или колики были настоящей трагедией, прошло. Как быстро все забывается... Слишком быстро. И уже не помнишь тех мелочей, которым умилялась. Не помнишь первого слова, которое сказал ребенок. Или второго. Или первого предложения. Зато наступает время, когда ты говоришь: «Я мама», – и считаешь это главным своим достижением. Что на самом деле очень верно и правильно.

Эта книга – про детей и родителей. Мне захотелось взглянуть на нашу семью глазами маленькой девочки – моей дочери, которая еще не умеет говорить. Захотелось посмотреть на нас ее глазами и улыбнуться. Вспомнить, какое это было счастье. Какая радость. Простая и бесхитростная, но – настоящая. Та радость, которую может принести только ребенок. Твой ребенок.

О чем говорят младенцы

– Вася, посмотри за сестрой!

– Не могу! Я занят!

– А где она вообще?

– Была на кухне!

– Кто-нибудь видел ребенка? Кто-нибудь может присмотреть за ней? Сима! Сима! Брось сейчас же! Нет! Зачем ты банку бросила? Вася! Возьми ее, тут осколков полно! Сима! Нельзя! Что? Вася, ты палец порезал? Иди под водой холодной поддержи и пластырем заклей! Я же тебе говорила, сиди в своей комнате! Сима! Нет, не давай ей пластырь! И убери аптечку с пола! Сима, зачем ты бинт взяла? Вася, смотай бинт, а то она сейчас им себя задушит! Сима, ты порезалась? Где? Это твоя кровь, Вася? Я же тебе сказала, залепи себя пластырем и иди в комнату. И сестру с собой заberi. Я с ума с вами сойду! Отбери у нее коробку с таблетками. Я же сказала – смотай бинт. Ай! Вася, отдай пластырь, я тоже порезалась!

Меня зовут Серафима. Мне полтора года. Вася – мой брат. Ему почти десять лет. А женщина, которая кричит, – моя мама. Это у нас обычное дело. Так, рядовое происшествие.

– Телефон! Вася, где мой телефон? Сима, отдай телефон. Не бери его в рот! Куда ты нажала? Зачем ты отправила эсмэску? Папа звонил. Нет, Сима, брось. Не ломай телефон. Зачем ты его бросила? Вася, собери телефон, батарея под шкаф закатилась, и позвони папе. Скажи, что у нас все в порядке.

– Папа, привет, ты когда приедешь? Поздно? Нет, мама говорит, что все хорошо. Я порезался. Сима вся в крови. Мама тоже в крови. Сейчас пол моет, поэтому говорить не может. Когда приедешь? Не поздно?

– Мама, тебе эсмэска от папы пришла! Он спрашивает, кто конкретно порезался и почему столько крови?

– Напиши ему что-нибудь...

– Хорошо.

– Написал?

– Да.

– Что написал?

– «Привет».

– И все?

– А что еще писать?

Говорить я пока не умею. Поэтому кричу, ною, издаю разные звуки и плачу, в зависимости от того, что мне нужно. Меня прекрасно все понимают.

Вася тоже долго молчал, поэтому мама не нервничает по этому поводу. На самом деле она в детях ничего не понимает. У нас нет ни одной книги о воспитании младенцев. Мама не знает, сколько у меня должно быть зубов, должна ли я складывать пирамидки и узнавать цвета. А еще она считает, что я молчуня – в папу. Папа у нас говорит мало и тихо.

– Пожалуйста, поговори со мной! – просит мама его вечером.

– О чем? – искренне спрашивает папа.

– Что, не о чем? – тут же начинает хлюпать носом мама, выдавливая слезу.

– Я же разговариваю. Ты не заметила?

– Ты пил чай и читал книжку!

– Я же спросил, как легла Сима и собрали ли форму на физру Васе...

– А о другом мы можем поговорить? – не отстает мама.

– Давай.

Мама с папой замолкают.

– Вот! – вскрикивает мама, как раненая птица, и уходит в ванную плакать.

На самом деле она нормальная. Веселая. Только очень эмоциональная. Это она в бабушку.

Да, у меня еще есть бабушка с дедушкой. Они живут в деревне. Я их не помню, потому что видела всего несколько раз. Про бабушку мне Вася рассказывает. Ну, и я еще слышу, как мама с бабушкой по телефону разговаривают, так что могу себе ее представить.

– Ты приедешь? – спрашивает мама бабушку.

– Не могу. Меня занесло снегом.

– Какой снег? На улице дождь и плюсовая температура.

– Это у вас дождь, а у нас снег. По колено. К весне отроюсь. На Восьмое марта приеду.

– Ты шутишь?

– Нет. У меня тут свежий воздух, заповедник, я читаю новый детектив, а ты мне предлагаешь ехать в ваш мегаполис и вставать к плите. Какие тут шутки? Тяжело тебе, беденькая? Даже не знаю, чем я могу тебе помочь...

– Приезжай и посиди с внуками...

– Может, лучше я тебе денег дам?

– При чем тут деньги? – взрывается мама.

– Не знаю. Обычно срабатывает... – удивляется бабушка.

Еще у меня есть старший брат Ваня. Он совсем взрослый и живет отдельно. Он приходит посидеть с Васей и мамой, когда папа задерживается на работе. Со мной он боится сидеть. Даже когда я подхожу к нему, он шарахается и забивается в глубь дивана, как будто я его укушу или ударю кубиком. В принципе, я на это способна. Но только когда сержусь или когда меня не понимают.

На самом деле он очень смешной. Когда папа ведет меня за руку, а Ваня везет коляску со мной, у него такое лицо становится... Как будто ему страшно, а коляска – раскаленная. Ваня пока решил не жениться и в ближайшее время не заводить детей.

– А у тебя девушка есть? – спросила его одна мама с площадки.

– Какая девушка? У меня дети! Вы что – не видите? – рявкнул Ваня.

Девушка у Вани, конечно, есть. И не одна. Но мы с Васей для него важнее. И ему интереснее играть с Васей в «Монополию», чем сидеть и обниматься на диване с девушкой. Тем более что мама в это время задает девушке всякие каверзные вопросы.

– У вас были наследственные заболевания? – спрашивает мама.

– Нет, не знаю, – пугается та.

– Откуда у вас этот шрам на руке? – не отстает мама.

– Порезалась в детстве.

– Специально или случайно? Какие у вас планы на будущее?

– Не знаю...

– А почему вы не едите? Вы на диете?

– Да.

– У вас были проблемы с эндокринной системой?

После пяти минут такого допроса девушка цепенеет и хочет исчезнуть. Ваня начинает смотреть на нее другими глазами. Мама сидит довольная.

Нет, если Ваня будет слушаться маму, он точно никогда не женится.

С Васей – другим моим старшим братом – я живу в одной квартире. У него, между прочим, есть своя комната, а я сплю в комнате родителей, а играю где придется. Мама говорит, что у нас вся квартира – одна сплошная детская комната, а папа хочет сделать из спальни еще одну детскую.

– А я где буду спать? В коридоре? У меня может быть свой угол? – возмущается мама. – Переделаем Васину комнату.

– Мы с Симой – разнополые дети, – воскликнул Вася, услышав, что затронуты его интересы, – с большой разницей в возрасте! Нам нельзя жить вместе. И вообще, у меня своя жизнь. В конце концов, я могу побыть один? – Вася хлопает дверью и подставляет стул с другой стороны.

Вася все время закрывается от меня и не дает играть в солдатиков. Мама ругается – он уже большой и должен читать книги, а мне отдать всех своих солдат и рыцарей, потому что я маленькая.

– Пусть она играет в куклы! – говорит Вася.

– Ей интереснее играть в твои игрушки, – отвечает мама.

– И кто из нее вырастет? Мальчик? Я же не играл в девчачьи игрушки!

Мама купила мне несколько кукол. Хотя мне кажется, она их для себя купила – у нее в детстве таких не было, вот она и не наигралась.

Одна кукла мне понравилась, ее бабушка передала. А маме она совсем не нравится. Если нажать на куклин живот, она заговорит и будет петь песню. Вася ее развинтил и вытащил механизм. А я оторвала ей шапку вместе с волосами. Теперь кукла лежит отдельно, а коробочка, которая была у нее в животе, – отдельно. Если на нее нажать – она будет говорить кукольным голосом. Вася пугает этой коробочкой маму.

– Привет! – слышит мама и автоматически отвечает:

– Привет.

– Пойдем погуляем, у меня такое веселое настроение!

– А уроки ты сделал?

Мама, когда занята своими делами и мыслями, не всегда быстро соображает.

– Давай потанцуем!

– Вася, тьфу, перестань ее включать!

Мне очень нравится играть с Васей, но только не в футбол: он целится мне в голову и почти всегда попадает. Я терплю, хотя получать мячом по голове больно, а когда часто – то надоедает, и тогда я начинаю орать и плакать.

– Вася, почему она плачет? – кричит из кухни мама.

– Не знаю! – отвечает Вася. – Она сама упала и ударилась о шкаф. Я только чуть-чуть в нее мячом попал. А упала она сама.

– Перестань, пожалуйста. Она же маленькая! – заступает за меня мама.

– Ага, маленькая. Она в меня тоже попала!

Я продолжаю кричать.

Мама кидается ко мне и дает соску. Этого я тоже не могу понять. У меня уже нет сосательного рефлекса, но мама по-прежнему дает мне соску. При этом она все время обсуждает с папой, как меня от соски отучить, потому что я уже большая.

– Давай мы просто выбросим все соски и все. Покричит и успокоится, – предлагает мама.

– Нет, она будет долго кричать. Я не выдержу, – отвечает папа.

– Намажьте соску горчицей, – предложил однажды Вася.

– Что ты такое говоришь? – ахнула мама.

– Сама рассказывала, как мне соску однажды горчицей намазала. Мне, значит, можно, а Симе нельзя... – пробурчал Вася.

– Неправда. Я тебе никогда соски ничем не мазала. Просто выбросила и все, – попыталась оправдаться мама.

– А я, бедненький, кричал и страдал. А потом удивляются, что я нервный и мне кошмары снятся.

– Кошмары тебе снятся, потому что ты на ночь всякие ужасы читаешь, а не нормальные книги, – вмешался в разговор папа. – И надо поменьше сидеть за компьютером. Я тебе сто раз это повторял.

– Ты, кстати, портфель собрал? – встрепелась мама.

– Мы, по-моему, не меня, а Симу обсуждали. И ее соски, а не мои проблемы. Чего вы на меня накинулись? – Вася закатил глаза, махнул рукой от отчаяния и ушел в свою комнату.

Я опять закричала, потому что не люблю, когда Вася от меня закрывается.

Мама тут же сунула мне соску в рот, чтобы я замолчала.

– Вот! Вот! Ты сама виновата! – воскликнул папа. – Даешь ей соску при любой возможности! Как мы ее отучим?

– А ты хочешь, чтобы она кричала и плакала? – Мама накинулась на папу. – Ты считаешь, что я неправильно ее воспитываю? Тогда сам решай, что делать, и отучай ее.

– Ну вот, началось... – закатил глаза папа и ушел в другую комнату.

– Я знаю один способ! – подал голос Вася из комнаты.

– Какой?

– Нужно ножницами отрезать сами соски.

– Вася, это же жестоко! – закричали папа с мамой в один голос. – Откуда ты это взял?

– Консьержка посоветовала, – пожал плечами Вася. – А что? Что вы на меня уставились? Что не скажу – все не так! Хочешь как лучше, а потом еще виноват! – Он еще долго возмущался.

На прогулке, когда мы подошли к кормушке с белками, папа демонстративно вытащил соску из сумки и торжественно сказал:

– Симочка, давай мы отдадим соску белочке. Пусть она отнесет ее своим маленьким деткам-бельчатам. А ты уже большая. Хорошо?

Папа протянул руку к белкам.

Я рассмеялась.

Наши белки даже семечки не едят, когда им дают. Они едят только орехи и то – не все. И хлеб они не едят. А соску уж и подавно не будут. К папе прыгнула белка, понюхала его руку и ударила его лапой по ладони.

– Ой, ты что? – Папа от неожиданности даже опешил. – Совсем озверели. Не белки, а нахалки.

– Симочка, давай мы положим соску в кормушку. Ее оттуда синички заберут и отнесут своим птенчикам. Хорошо?

Папа положил соску в кормушку. Мы отошли буквально на несколько метров, когда услышали голос:

– Мужчина, мужчина! Это не вы соску забыли? В кормушке! Держите! – К папе подошла женщина и вернула ему соску.

Папа посмотрел на нее грустно.

– Спасибо, – сказал он.

– Ой, такая большая девочка, а с соской! – сказала женщина. – Ну-ка, отдай ее тете!

Взрослые все очень, очень странные. Разве нет?

Папа у нас «глава семьи». Он себя называет Елизаветой Второй и говорит, что отвечает за все глобальные вопросы – например, отношение к арабо-израильскому конфликту, вступление России в ВТО и позицию по Курилам. А все остальное – где будет учиться Вася, чем он будет заниматься – музыкой или шахматами, куда мы поедем отдыхать, как нас воспитывать – решает мама. Папа у нас царствует, но не правит. Он все время рассказывает этот анекдот, но никогда не смеется. Он совершенно не может со мной справиться, как утверждает мама.

– Нет, Сима, нельзя, буду ругать! – кричал папа, когда я отковыряла букву «м» на клавиатуре компьютера. Он снял меня со стула и отнес в комнату, где мама делала с Васей английский.

На самом деле букву «м» начал ковырять еще Вася, а я, наоборот, хотела приклеить ее на место. К тому же я не знаю, зачем папа показал мне мультконцерты и песни из детских фильмов на Youtube – я бы могла и на диске посмотреть. А теперь он оттаскивает меня от компьютера, считая, что это вредно.

Так вот, в комнате у Васи я помолчала немного, подумала, села на попу и начала плакать. Мама с Васей переглянулись и опять уткнулись в неправильные английские глаголы. Я закрыла рот, встала, вышла в коридор и села на пол, убедилась, что папа меня видит из комнаты, опять открыла рот и опять принялась рыдать.

– Симочка, только не плачь, – кинулся ко мне папа. – Хочешь компьютер, пойдем я тебе включу. Что ты хочешь?

– Ты сам ее приучил, – говорит мама.

– А из-за тебя она смотрит телевизор, – отвечает папа.

– Правильно, а я из-за вас и Симу не смотрю ни то ни другое, – заявил Вася. – Даже хоккей сто лет не видел.

– Ты уроки сделал, кстати? – тут же переключилась мама.

– А портфель собрал? – поддержал ее папа.

– Вы о чем-нибудь другом можете спросить? – опять закатил глаза Вася. – Или вас ничего в жизни больше не интересует?

– Пусть Сима у тебя в комнате поиграет пять минут, – просит мама.

– Говори уж как есть – посиди с сестрой, – бурчит Вася.

Папа все время носит меня на руках. Даже на улице. Однажды, когда мама вышла со мной гулять, консьержка даже ахнула:

– А Сима, оказывается, умеет ходить! И даже по лестнице сама спускается!

– Конечно, – удивилась мама. – Давно уже.

– А я все спросить не решалась. Думала, что она у вас не ходит, болеет. Папа же ее все время на руках носит и в коляске возит...

– Ты вся в каше! Прямо хоть стирай тебя целиком, – ахнула мама после ужина. Она отнесла меня в ванную и посадила на коврик.

– Вася, присмотри за сестрой две минуты. Я полотенце чистое принесу, – попросила мама.

Когда она зашла в ванную с полотенцем, то чуть в обморок не упала. Вася запихивал меня в стиральную машину, а я упиралась ногами. Он пытался меня засунуть сначала головой вперед, а потом ногами.

– Что ты делаешь? – закричала мама.

– Хочу постирать Симу. Ты сама говорила, что ее стирать целиком надо, – ответил Вася.

– Ты с ума сошел? Немедленно вытащи ее оттуда! – закричала мама.

– А ей даже нравится, – пожал плечами Вася. – Смотри, она улыбается и сама пытается залезть в барабан.

– Васечка, это же твоя сестра. Зачем ты с ней так?

– Ты же говоришь – чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не вешалось... – обиделся Вася.

– Ты сейчас кого имеешь в виду? Себя или Симу? – уточнила мама.

Все знакомые и друзья считают, что маме с папой страшно повезло. Потому что папа – самый идеальный папа на свете. Еще когда мама была беременная, папа каждое утро, после того как отводил Васю в школу, выводил маму гулять по парку. Мама больше беспокоилась о своей

фигуре и весе, чем о полезности прогулок. Она бегала по парку или ходила быстрым шагом почти до конца беременности, надеясь не поправиться слишком сильно. На ее фигуре, кстати, это никак не отразилось – она набрала двадцать килограммов, потому что после прогулок ела с удвоенным аппетитом.

Она в то время даже кормила синичек семечками и любовалась природой.

– Какой ужас! – восклицала мама. – Я же терпеть не могу пейзажи!

– Это пройдет, – грустно отвечал папа. – Ты родишь и перестанешь замечать прекрасное. Вот это дерево, свет, листья... Симочка, смотри, какая красота, – говорил он, наклоняясь к маминому животу и шепча ей в пупок.

– Прекрати, я чувствую себя идиоткой, – возмущалась мама.

Однажды, когда мама была уже месяце на восьмом, она сидела на лавочке в парке и горько плакала. Просто так, без причины. Папа пытался ее успокоить, но мама плакала еще сильнее. К ней подходили прохожие и спрашивали, что случилось, не нужна ли помощь? Мама заливалась слезами.

– Чего ты плачешь? – подошла к ней пожилая женщина.

– Не знаю, – ответила мама.

– Слушай, да ты, наверное, беременная! – воскликнула женщина.

Мама тут же замолчала и начала хохотать. Папа смотрел на нее с ужасом. И на женщину тоже – не заметить мамин живот было невозможно.

– Не переживайте, я акушеркой много лет проработала, – шепнула ему женщина и подмигнула. А мама продолжала хохотать.

Мама вообще была очень смешная во время беременности. Она вычитала в каком-то журнале, что с каждой беременностью мозг женщины усыхает на двадцать пять процентов, и тут же в это поверила. Она всем рассказывала, что у нее осталась только половина серого вещества и ей простительно буквально все – говорить глупости, есть, что захочется, спать, когда захочется, и капризничать.

– У меня изжога ужасная, – жаловалась мама папе. – Сима на желудок давит. (То, что я – Сима, родители придумали, когда у меня еще пол не определялся. Они вообще очень ответственные, все делают заранее.)

– Это не Сима, а селедка из ресторана, – буркнул Вася. – Если бы я столько съел, то умер бы от переедания.

– Да, Марусь, ты, наверное, в ресторане переела просто. Выпей таблетку, и все, – поддержал Васю папа.

– Я не переела! Мне плохо! – возмутилась мама.

– Конечно, плохо, – отозвался Вася. – Ты съела три салата, два вторых и пирожков штук десять.

– Еще два пирожных, – добавил папа.

– А вам что, жалко? Я была голодная! – чуть не плакала мама.

– Ты просто не смешивай оливье с винегретом и селедкой под шубой, – посоветовал папа. – Симочка, тебе там плохо, да? – нагнулся он к маминому животу и начал шептать в пупок: – Мама вредной еды наелась, а ты теперь мучаешься. Ничего, сейчас я маме дам таблетку, и все пройдет.

– Никто меня не понимает, никто... – пожаловалась мама.

– И не говори, у меня та же фигня, – поддержал ее Вася.

Папа принес маме таблетку и сам съел две, потому что у него тоже тут же началась изжога от излишней впечатлительности.

У мамы во время беременности не было депрессии и скачков настроения. Она сидела на диване, обложившись подушками, ела мороженое и отлично себя чувствовала. Зато папа по вечерам перебирал семейные фотографии и плакал. Он вообще за время маминой беремен-

ности стал плаксив и сентиментален. У всех знакомых и коллег спрашивал про детей – как едят, как учатся, как здоровье, отчего все вокруг считали его самым внимательным и чутким на свете. На самом деле в тот момент папу ничего не интересовало, кроме детей.

Однажды он пришел на совещание, где все были в галстуках и говорили о чем-то очень-очень важном. Он сидел рядом с женщиной, которая была самой большой начальницей, слышавшей жесткой, циничной и бессердечной. В ее присутствии все просто цепенели.

– Какая неделя? – озабоченным шепотом спросил папа начальницу.

– Восемнадцатая, – ответила тихо начальница, изменившись в лице. – Откуда вы знаете? Никто не знает!

– Я вижу... – проникновенно ответил папа. – Как вы себя чувствуете? Отеки? На УЗИ все в порядке? Может, водички? Или окно открыть? Здесь душно.

Начальница прямо при всех начала шмыгать носом, забыв про цифры, графики и динамику роста. Она под столом скинула туфли, а папа незаметно подложил ей под спину свой мягкий портфель. Все совещание они сидели и шептались о беременности, предстоящих родах, сложном выборе роддома и педиатра. А их коллеги думали, что они говорят о работе, и после совещания все подходило к папе и осторожно спрашивали – не ждать ли волны увольнений и вообще чего ждать? Папа отшучивался и отмалчивался, из-за чего все остальные заподозрили неладное. А эта начальница до сих пор присылает папе по электронной почте фотографии своего новорожденного сына и советуется с ним по рабочим вопросам, считая, что раз мужчина так разбирается в беременности и так любит детей, то уж в работе ему нет равных.

Еще у папы появилась присказка. Что бы ни случилось, он всегда всем говорит:

– Лишь бы детки были здоровы, – после чего улыбается и смотрит куда-то вдаль. И все считают его самым мудрым на свете.

– Хочу в кино, – сказала мама папе.

– Ты уверена? – осторожно спросил он.

– Да, хочу в кино!

Дело в том, что беременной и только родившей маме нельзя ходить в кино – это всегда плохо заканчивается. Когда она носила Васю, папа повел ее смотреть фильм с Николь Кидман «Мулен Руж». Мама весь фильм прорыдала навзрыд. Когда они вышли из кинотеатра, она подняла к папе страдальческое лицо и сказала:

– У нас с тобой не такая любовь! Я от тебя уйду!

Папа чуть не сошел с ума, вытаскивая беременную маму из пойманной попутки.

Уже когда мама родила меня, папа решил ее развезти и повел на романтическую комедию «Письма к Джульетте». Весь фильм мама истерично хохотала, а когда вышла из кинотеатра, поинтересовалась:

– И что ты хотел этим сказать?

– Ничего, – опешил папа.

– Ну да, ну да... – проговорила мама. – Значит, ты не веришь в любовь... Ну да, я все поняла...

Папа застонал и опять чуть не сошел с ума.

– Папа, только не урони ее! – закричал Вася, когда папе вручили меня в роддоме.

Я была красная, с опухшими глазами.

Папа вцепился в меня так, будто я могла исчезнуть в любую минуту. За край конверта меня держал Вася.

– Что у нее с глазками? – спросил папа, когда сел в машину.

Один глаз у меня заплыл и не открывался.

– Папа, она красавица, – обиженно сказал Вася, – а глаза у нее вырастут.

Дома Вася взял меня на руки.

– Придерживай ей головку, – сказала мама.

– Хорошо, – согласился Вася и взял меня за голову, отпустив ноги. – А голова у нее тяжелее, чем ноги.

– Правильно, – кивнула мама. – Поэтому нужно следить, чтобы она не упала. Падать она будет головой вниз, а это очень опасно, у нее еще родничок открыт.

– Всем головой вниз падать опасно, – заметил Вася. – Не только младенцам. А что такое родничок?

Мама взяла Васину руку и положила на мою голову.

– Чувствуешь? Пульсирует.

– Чувствую. – Вася держал руку и даже боялся дышать. – Это как сердце, только быстрее стучит.

Одну руку он держал на моей голове, а вторую положил себе на грудь. Мне кажется, в этот момент я его и полюбила. Мы стучали одновременно. А еще Вася очень ласково погладил меня по животику.

Я тогда ничего не понимала, но все чувствовала. Когда меня брал на руки папа, я знала, что он меня немножко боится и не знает, что со мной делать. То есть знает, конечно, но все равно боится.

– Кто придумал эти ползунки? – ругался папа, пытаясь разобраться с застежками. – Почему они на спине застегиваются?

– Это удобно, – отвечала мама, – не надо все снимать. Просто на попе расстегни.

– Здесь слишком много кнопочек. – Папа пытался застегнуть ползунки. Не получалось.

– Это не перед, а зад. – Мама забрала меня. – Видишь, здесь рисунок.

– Там тоже рисунок, – не унимался папа. – Как он запахивается? Направо или налево?

– Не знаю. Я застегиваю и все, – ответила мама.

Когда на руки меня берет мама, я успокаиваюсь – мама ничего никогда не боится и все про меня понимает. И про Васю тоже. А даже если не понимает, то чувствует. Как и что нужно сделать.

Когда я только родилась, мама подолгу сидела над моей кроваткой и внимательно меня рассматривала. Папа тоже.

– Только не нос бабы Хаси, только не нос бабы Хаси, – шептала мама, – больше ни о чем не прошу. Нет, еще одно – только не подбородок тети Шуры. Пожалуйста.

Баба Хася и тетя Шура не смогли выйти замуж, потому что у одной был выдающийся нос, а у другой – мужской волевой подбородок. Эти фамильные черты в комплекте доставались по наследству всем мужчинам по линии папы, а женщинам выпадало что-то одно – или нос, или подбородок. И если мужчины в папином роду женились рано и не испытывали недостатка в избранницах, то женщины все как одна страдали. В неудачном или позднем замужестве были виноваты или баба Хася, или тетя Шура. Их фотографии, кстати, в семейном архиве не сохранились и рассказы о выдающемся носе и подбородке передавались из уст в уста через поколения, так что сравнить, насколько длинным был нос бабы Хаси и насколько мужественным подбородок тети Шуры было невозможно.

Однажды одна из троюродных племянниц папы, Катечка, которой достался нос бабы Хаси, решила на пластическую операцию. Нос она пожелала не просто укоротить, а сделать курносым. Катечку после операции родственники демонстративно перестали узнавать, как будто она совершила страшное преступление. Особенно Катечке и ее маме, которая была виновна в том, что не отговорила дочь от операции, доставалось от пожилых тетушек и бабушек – в старости они все как одна страдали Альцгеймером, но очень выборочно, только в те

моменты, когда им этого хотелось. А в обычной жизни сохраняли ясность ума и разумный скепсис.

– Кто это? – спрашивала одна из тетюшек, тыча пальцем в Катечку.

– Тетя, это я, Катя, – понуро отвечала Катя.

– Тебя бросил муж, что ты так выглядишь? – интересовалась тетюшка, сверкая глазами и готовя очередную язвительную фразу.

Дело было в том, что Катечку действительно бросил муж. Прямо после операции. Ушел к другой, носатой, как рассказывала Катечкина мама.

Катя начинала подхлупывать новым носом, который ей совершенно не шел.

– Перестань страдать, – строго одергивала ее тетюшка. – Я тебе скажу за твоего мужа. У него был не подбородок, а индюшачий зуб. А мужчина без подбородка – это диагноз. Не удивлюсь, если он и в постели ничего не мог.

– Тетя!!! – стонала Катечка.

– А что я такого сказала? И что, твой новый нос сделал тебя счастливой? У тебя появился мужчина, который его оценил?

– Нет, – отвечала Катечка.

– И не появится, – подводила итог тетюшка.

– Хорошо, что Хасечка не видит этого позора, – поддакивала другая тетюшка, – наверняка в гробу перевернулась.

– Я тебя умоляю! – восклицала первая тетюшка. – Если бы в те годы делали такие операции, Хася бы первая поскакала. А Катька не только носом в Хасю пошла, но и мозгами. Дура. Была б умнее, вышла бы замуж за этого... как его... Леву. Такой был мальчик!

– Тетя, мы дружили, когда нам было по десять лет! Лева давно в Америке и у него трое детей! – Катя чуть не плакала.

– Вот! А ты сидишь с новым носом у себя в старой квартире! И муж тебя с носом оставил! – захихикала собственной шутке тетя.

Катя ушла страдать на кухню.

– А что у Симы и Васи от меня? – спросила мама папу.

– Ну, форма стопы, – ответил папа.

– И все?

– Да, прости.

– Но у нее нет ни вашего носа, ни подбородка!

– Они лет в десять начинают расти, – сообщил папа.

Мама решила, что мне полезно плавать в ванне, а чтобы я не утонула, купила специальную шапочку с пенопластом. Шапочка называлась «Русалочка», но я в ней больше была похожа на игрока в водное поло.

– Не надо, – просил папа, глядя, как мама таскает меня за завязки от шапочки от одного края ванны к другому. – Осторожно, пожалуйста. Она воды нахлебается. Ей не нравится.

– А мне кажется, нравится, – отвечала мама и рукой делала волну.

Я еще не умела изображать на лице эмоции, а мама с папой не научились определять, хорошо мне или плохо, поэтому ошибались. На самом деле мне было страшно. Я ведь не умела ни сидеть, ни стоять, ни даже плавать. Шапочка была мне велика, а одна завязка почти оторвалась. К тому же папа делал воду все время горячую, чтобы я не замерзла, а мама – холодную, чтобы я закалялась. Я хотела им сказать, чтобы они попробовали сами так поплавать – с пенопластом на голове и при разных температурных режимах, когда не знаешь, то ли тебя в кипяток засунут, то ли в ледяную воду. Но не могла.

Вообще у взрослых бывают навязчивые идеи.

Вот папа, например, на всех игрушках показывает мне глазки.

– Покажи, где у мишки глазки? А у киски где глазки? А у Симы где глазки? – каждый день просит он.

Эти глазки мне уже порядком надоели. Он же и сам знает, где у кого глаза. Зачем показывать? К тому же у меня еще не все в порядке с координацией движений, и я просто боюсь ткнуть себе пальцем в глаз.

– Отстань от нее, – приходит мне на выручку мама.

– Хорошо, – вздыхает папа и замолкает на целую минуту, после чего в новом порыве принимается спрашивать: – А где у мишки носик? А у Симы где носик?

– Скажи «Вася», ну скажи – «Ва-ся», – требует брат и забирает у меня соску. – Скажи «Вася», тогда отдам.

– Вася, перестань. Она все равно не скажет, – заступает за меня мама.

– А вдруг? Я ее буду дрессировать.

– Дрессируют животных, а она ребенок.

– Какая разница? Детей, как животных, учат. Ты мне разрешаешь на компьютере поиграть, если я музыкой позанимаюсь. В чем разница?

– Животных с помощью еды дрессируют.

– Ну да, метод кнута и пряника, я знаю. Сима, хочешь пряник? Тогда скажи «Вася».

Я начинаю ныть.

– Отстаньте все от ребенка! – кричит мама и тут же принимается бегать за мной с расческой.

– Сима, давай сделаем хвостики. Ой, эти резиночки не подходят, давай другие. Подожди. Куда ты убежала? А хвостики? Давай причешу! Давай косички заплету!

– Симе нужно подстричь ногти, – объявил папа. – Она меня поцарапала.

– Помогите мне, она вырывается, – попросила мама.

Папа держал меня на руках, мама включила телевизор и дала в одну руку пульт, который, вообще-то, мне никогда не дают – я его облизываю.

Я вырвалась и заняла.

– Сима, сиди спокойно, – велела мама.

– Ты ей руку сильно сдавливаешь, ей больно, наверное, – проговорил папа.

– Мама еще до мяса все состригает, – пожаловался Вася. – Я после ее подстригания даже наклейку не могу оторвать. С ногтями удобнее.

– Вася, ты мальчик. У мальчиков не может быть ногтей, – сказала мама.

– Тогда и волосы мне подстриги, раз я мальчик. Ты уже родила себе девочку, вот ей и отращивай волосы.

– Мне нравится твоя прическа, – возразила мама.

– А дети имеют право решать? – поинтересовался Вася.

– Когда вырастешь, делай что хочешь, – отрезала мама. – Кстати, а что ты хочешь?

– Даже боюсь сказать. Когда я стал мечтать о собаке, появилась Сима. С желаниями нужно быть очень осторожным.

Вася всегда хотел собаку. Но папа сказал, что если уж и заводить того, к кому нужно вставать ни свет ни заря, кормить и воспитывать, выводить на прогулку, делать прививки, то тогда лучше заводить девочку. Так «завелась» я, а Вася лишился собаки. Хотя нет, собаку ему завела на даче бабушка – японского хина по имени Веня. Бабушку заводчики предупредили: собака породистая, с непростым характером. На Веню нельзя кричать, нельзя наказывать и воспитывать, а то он обидится, будет страдать и может, чего доброго, сделать себе харакири. Бабушка недобро улыбнулась... Она делала все возможное, чтобы Веня поступил как настоя-

щий японец, – тыкала его носом в лужу на коврике, шлепала газетой, кричала: «Фу, сволочь, я сказала!» Но Веня полюбил свою хозяйку раз и навсегда и радостно лизал ей лицо, стоило бабушке замешкаться. «Твою мать, убью, скотина!» – кричала бабушка, когда Веня писал на ее подушку, и пес радостно вилял хвостом и подпрыгивал от восторга. Еще ему нравилось подходить к бабушке, когда та стояла у плиты, и тереться о ее ногу. Бабушка каждый раз вскрикивала от неожиданности, обжигалась сковородкой или роняла горячий чайник, обваривалась маслом или кипятком... Под грохот, мат и вопли Веня начинал лаять. Он считал, что это такая игра. Бабушка несколько раз пыталась уронить на него чайник, но все время промахивалась, и чайник падал не псу на голову, как она хотела, а ей на ногу.

Нет, вообще-то она любит животных. Мама рассказывала, что раньше на даче жила кошка Дуся. Она влюбилась в местного ничейного кота и приводила его к бабушке «питаться». Кот стоял около яблони и делал вид, что он тут ни при чем. А Дуся не подходила к своей миске и громко мяукала.

– Не дам! – кричала ей бабушка.

– Мяу! – отзывалась Дуся.

– Пусть мышей ловит! – орала бабушка.

– Мяу! – не соглашалась Дуся.

Бабушка отрезала кусок колбасы и бросала под яблоню. Кот вальяжно подходил и начинал есть, как будто делал одолжение.

– Сволочь, – говорила ему бабушка, – дармоед. Альфонс.

– Мяу, – повторяла Дуся и только после этого подходила к своей миске.

А потом кот пропал.

Дуся сначала ждала его под яблоней, а потом исчезла. Бабушка обегала всю деревню, разыскивая кошку.

Дуся появилась, когда бабушка уже перестала ее ждать. Кошка сидела на коврике перед дверью и тихонько плакала: «Мяу, мяу». Бабушка кинулась к ней, хотела схватить и уже в самый последний момент поняла, что Дуся беременна и вот-вот должна родить.

– Дусенька, что же делать? – запаниковала бабушка.

Дуся прошла в дальнюю комнату и легла в теплый угол, рядом с печкой. Она уже не плакала, а стонала: «Мяу, мяу, мяу». Бабушка металась по дому в поисках коробки, газет... Ничего не нашла. Схватила свою ночную рубашку, халат, разорвала на куски и бросила в угол.

– Мяу, – сказала Дуся и забралась на тряпки.

Полночи бабушка принимала роды у кошки. Выходила только покурить. Утром она разбудила соседа – местного алкоголика и мастера на все руки.

– Дуся родила. Найдешь мне хозяев для четырех. В хорошие руки. Понял?

Сосед решил, что больше не будет так напиваться. У бабушки был такой вид и взгляд, что он не рискнул ничего сказать, только кивнул, хотя не сразу понял, кто кого родил.

Когда он пришел с новостью, что пристроил троих из четверых, Дуся лежала в том же углу и кормила котят.

– Да давай я четвертого утоплю, – предложил сосед.

– Я тебя сейчас сама утоплю, – сказала бабушка и стала наступать на соседа.

Он перепугался не на шутку.

– Ладно, ладно, найду я...

Котят пристроили в «хорошие руки». А Дуся... Оклемалась после родов и пропала. Уже навсегда. Бабушка была уверена, что она пошла искать своего кота.

Бабушкины соседи справа называют ее Гринпис. Она спасла их морскую свинку.

Дело было летом. Бабушка ехала с соседями на дачу, и мальчик, их сын, держал на коленях клетку с морской свинкой, которую тоже вывозили на свежий воздух. В дороге от солнцепека и духоты свинке стало плохо. Бабушка сказала, что животное нужно обложить льдом. В

придорожном «Макдоналдсе» был куплен большой стакан кока-колы, из которого выловили лед и вывалили его на свинку, которая уже хрипела в своей клетке. Но легче ей не стало, она задрыгала лапами в конвульсиях. Тогда бабушка решила, что вместо льда надо использовать прохладную воду, дабы избежать переохлаждения. Дело в том, что моя бабушка обладает харизмой – ее слушают все, вне зависимости от того, что она говорит. Послушали и в этот раз – налили в стакан воды и запустили в него свинку. Свинка, естественно, перестала дышать. Сын соседей рыдал в истерике над бездыханным тельцем. Соседка ругалась с мужем. Тот был готов убить всех. Бабушка вздохнула и принялась делать свинке искусственное дыхание. Каким-то мистическим образом ей удалось откачать бедное животное. Свинья, как называет ее бабушка, жива до сих пор, правда, так и не избавилась от непроизвольных конвульсий.

Так вот про Веню. Его отдали назад заводчикам, потому что у Васи нашли глистов. А глисты – от собаки. Врач сказала, что пролечить нужно всех. У бабушки случилась натуральная истерика – ее любимый внук заразился, можно сказать, по ее вине и теперь не ест, мучается животом и рвотой.

– Убью скотину, – повторяла она, замышляя убийство хина. – А Васе скажем, что он под машину попал.

– Не надо, надо отвести к ветеринару, – предложила мама.

– Проще убить. Непредумышленно, – настаивала бабушка – поклонница детективов, где в сюжете всегда есть нераскрытое убийство.

Нет, она не утопила Веню в реке и не подвесила на яблоне, как обещала. Ругаясь матом, она зажимала его между колен, раскрывала насильно пасть и всовывала таблетки. И только после того, как он выздоровел, вернула заводчикам.

Наверное, мой рассказ покажется сумбурным, и я буду перескакивать с темы на тему, но, во-первых, я – младенец и не могу долго думать об одном, у меня еще внимание рассеянное, а во-вторых, у нас такая жизнь. У самой голова кругом идет.

Про бабушку мне еще хочется рассказать. Например, у мамы, когда она забирает Васю от бабушки и проводит с ней полчаса, еще долго дергается глаз. А когда мама рассказывает папе про бабушку, то вообще заикаться начинает.

– Вася, не тупи, запоминай карты! У тебя на руках валет крестовый, десятка бубновая и козырной туз! – закричала бабушка.

– Как ты узнала? – вытаращив глаза, спросил Вася.

– Чего тут знать? На рубашке туза загиб, вальта ты у меня взял, ну что ты как младенец? Даже неинтересно! Смотри, ты сейчас пойдешь с девятки, я отобью дамой, ты мне подбросишь свою даму, я отобью тузом. И все – считай, ты в пролете.

Мама приехала за Васей. Они с бабушкой сидели в беседке и резались в дурака. На столе были рассыпаны монеты.

– Я же просила – только не на деньги! – закричала мама.

Бабушка затушила сигарету, как школьница, которую застукали родители, и спрятала карты под стол. Вася подскочил и заслонил своим тщедушным подростковым тельцем стол с картами.

– Не могла позвонить, что подъезжаешь? – буркнула бабушка.

– Мама, на интерес играют только фразеры, – сказал Вася. – Мы в обычного дурака играем, даже не в подкидного, а сегодня вечером мы у соседей в преферанс играем.

– Вот ты трепло, – возмутилась бабушка. – Я же тебя просила!

– Ты опять за старое? Ты же мне обещала не втягивать ребенка в азартные игры! – застонала мама, отбирая у Васи карты.

– Хватит нудить, – оборвала ее бабушка. – Мы на коньяк играем. Двадцатилетний. Армянский.

– Мама, я не могу сейчас уехать, – серьезно сказал Вася. – Я должен прийти к соседям и сказать, что бабушке пора уходить меня спать укладывать. Тогда она успеет выиграть коньяк и ее не заставят отыгрываться. А мне она отдаст двести рублей, как пододеяльнику.

– Пододеяльнику, – автоматически поправила мама.

– Ну да, пододеяльнику, – продолжал Вася. – Если я не приду, бабушку с коньяком не выпустят. И я буду в полете.

– Никаких преференсов, пролетов и коньяка! Мы уезжаем! – закричала мама.

– Вот она всегда все испортит, – проворчала бабушка.

– Ага, – согласился Вася. – Она еще английским может все настроение испортить.

– Теперь ты понимаешь, почему она не играет, как мы? – сказала бабушка.

– Да, теперь понимаю. Она не может просчитывать будущее и искать выгоду. Мама вообще считать не умеет – даже мою математику проверить не может, – сказал Вася.

– Васенька, когда я была такой, как ты, маленькой, моя мама, твоя бабушка, очень часто играла. Она могла проиграть все – деньги, все вещи, даже квартиру. Она не очень честно играет, мухлюет. Ее учил играть известный карточный шулер. Шулер – это такой карточный профессионал. Понимаешь, я запрещаю тебе играть, не потому что я такая злая, а потому что, когда у нас были тяжелые времена, наша с твоей бабушкой жизнь зависела от того, выиграет она или проиграет. Это очень страшно. Ее даже в тюрьму могли посадить. Я не хочу, чтобы ты пошел в нее, – объясняла мама Васе в машине по дороге домой.

– Круто! – отозвался Вася. – А бабушка выигрывала или проигрывала?

– Как правило, выигрывала. Почти всегда, – призналась мама. – Я приходила в назначенное время и вытаскивала ее из-за стола, чтобы ее не заставили отыграться.

– И много денег было? – уточнил Вася.

– Иногда много.

– А тебе сколько полагалось? Тоже двести рублей?

– Нисколько. Я не просила.

– Ну и зря. Все-таки ты, мама, ничего в делах не понимаешь. В следующий раз у бабушки надо будет пятьсот просить, как постоянному пододеяльнику, – решил Вася.

У нашей мамы действительно плохо с математикой. Хуже только у папы. Мама хоть в столбик считать умеет, а папа сразу стонать начинает. Вася привык, что с математикой ему никто помочь не может, но иногда все равно просит.

Однажды они решали задачу про склад с ящиками канцтоваров, которые никак не делились на нужное число школ. Мама сразу сочинила стишок: «Маркеры, скрепочки, звездочки в ряд, на складе забыли отряд октябрят». Но Вася не оставляет попытки развить в маме логическое мышление.

– Мам, а ты помнишь таблицу умножения на девять? – спросил Вася.

– Нет, не помню, – ответила мама.

– Мам, выучи, в жизни пригодится, – сказал он.

– Я не запоминаю цифры, – призналась мама.

– Смотри, я тебе прием покажу. Дай мне свои руки. На левой загибаешь палец, на который нужно умножать. Если на два – то указательный, на три – средний. И слева на пальцах у тебя остаются десятки, а справа единицы. Поняла?

Вася загибал маме пальцы и смотрел так ласково и нежно, что она сразу растаяла, заулыбалась и полезла к нему сюсюкаться и обниматься.

– Вась, а ты еще кому-нибудь этот трюк с пальцами показывал? – спросила мама.

– Да, Алисе. Мы тогда сдавали таблицу на девять, а она никак не могла после пяти запомнить.

Алиса любит Васю преданно и нежно. Мальчики – они все-таки странные, ничего не понимают в чувствах. Вася, сам того не осознавая, применил безотказный прием соблазнения – взяв руки девочки в свои, ласково загибал пальчики и говорил непонятные слова про цифры. Конечно, Алиса растаяла. Любая девочка бы растаяла.

– Ладно, мама, теперь задача на логику. Соберись, как на экзамене, – строго сказал Василий.

– Вась, может, не надо? – Мама явно собиралась удрать.

– Надо. Как сто восемьдесят восемь разделить на два поровну так, чтобы получилось сто? – спросил Вася.

– Никак, – сразу ответила мама.

– Мама, подумай. Включи логику.

Мама билась над задачей минут пятнадцать, пока не сел ее мобильный телефон, в котором она измучила калькулятор.

Вася ходил кругами вокруг нее и смотрел строго, как экзаменатор, тяжело вздыхая.

– Все, Вась, я сдаюсь. И вообще мне в туалет надо, – сказала мама.

– Только телефон оставь на столе, а то ты папе начнешь звонить за подсказкой.

Такая мысль у мамы действительно была. Только звонить она собиралась не папе, а своей подруге, которая окончила физмат-школу.

Решение потрясло не только маму, но даже ее подругу, которой мама потом все-таки позвонила и задала эту задачу. Вася взял ручку и провел линию поперек цифры. Восьмерки превратились в нолики.

– Вась, это бред полный, – обиженно сказала мама.

– Это, мама, логика, – объяснил Вася.

– Нет, давай поспорим...

– После экзамена кулаками не машут. Нам так учительница говорит. Как ты вообще начальную школу окончила? – удивился Вася.

Впрочем, экзамен по окружающему миру, который Вася будет сдавать, мама тоже завалила бы. Она не может отметить на контурной карте Транссибирскую магистраль на участке от Екатеринбурга до Владивостока, что требуется от ученика четвертого класса. И лезет в Гугл, чтобы узнать название города, расположенного на Тихом океане, на берегах бухты Золотой Рог. И сказать, как называют военачальника ордынцев, тоже не может.

– Мама, а дети бывают умнее своих родителей? – спросил Вася осторожно.

– Очень часто. Так должно быть. Это называется эволюция, – ответила мама.

– А-а-а. Тогда ладно. А то я начал беспокоиться.

Мне очень хочется пойти поскорее в школу. Мама обещает меня отдать в шесть лет, как и Васю, потому что у нее «сил никаких нет с нами». Иногда она произносит фразу, которую ни я, ни Вася не понимаем.

«Васю – в Суворовское училище, а Симу – в Вагановское. И все!» – говорит она мечтательно. Папа смотрит на нее с ужасом.

В школе – очень интересно. Правда, мама, когда узнает подробности школьной жизни Васи, впадает в ступор.

– Какой у тебя адрес электронной почты? – спросил маму Вася.

– Зачем тебе? – удивилась она.

– Надо «Вконтакте» зарегистрироваться.

– «Вконтакте»? Не рановато ли?

– У нас там полкласса сидит.

Мама не верила. Считала, что они еще маленькие. Но Вася говорил правду – у них не только полкласса, еще и учителя «Вконтакте» сидят. Вася зарегистрировался. А мама залезла на его страницу, чтобы посмотреть сериал «Доктор Хаус», и прочитала Васины сообщения. После этого она несколько дней мучилась бессонницей от разных мыслей.

У Васи есть друг – мальчик Даня с нежным звонким голоском. Солист в хоре. Его обожает учительница музыки. Он так проникновенно поет «Мама – первое слово в каждой судьбе», смотрит влажными от слез глазами, покачивает головой в такт, что все рыдают. Так вот этот мальчик в графе «Семейное положение» совершенно брутально указал: «Есть подруга, но свободен». Как оказалось, подруга – их одноклассница Даша. Девочка – почти самая маленькая по росту в классе, из-за чего ее регулярно принимают за первоклашку. «Жизнь и чувства смешались – получилась каша из эмоций и слез. Живу воспоминаниями. Он ее поцеловал и разбил мне сердце. Я его люблю. Пусть будет с ней, если ему хорошо». Даша написала это на своей страничке, которую мама, конечно же, не удержалась и прочитала.

– Когда они пишут сочинение про летний день в лесу или изложение про спасенную собачку, то вроде как маленькие. А тут вдруг читаешь такой текст и чувствуешь себя... придурковатой мамашей, которая спрашивает у великовозрастного сына, не забыл ли он надеть шарф. Какие собачки? Какой летний день? Эти дети только в классе дебилами прикидываются, а на самом деле умеют выражать свои мысли так, как даже я не могу, – шептала ночью мама папе.

Потом уже мама сидела «Вконтакте», а не Вася. Выяснила, что Антон, Васин одноклассник, любит смотреть сериалы «Воронины», «Букины», а также является поклонником передачи «Давай поженимся», потому что там «можно встретить свою любовь на всю жизнь». Надо при этом видеть Антона. Он с мою маму ростом, и если его спросить, как дела, не тем тоном, то он кидается в драку. Его мама говорит, что Антоша – ласковый, нежный, трепетный мальчик. Да, он бьет других детей, но потом сам страдает очень и плачет оттого, что сломал мальчику из старшего класса нос или руку. Никто в это не верит, и все, включая взрослых, стараются обходить Антошу стороной. А Антоша, оказывается, верит в любовь.

Лучше бы мама не открывала страницу Насти, которая одно время была влюблена в Васю. «Как дела?» – написал ей Вася. «Была в роддоме. Все прошло хорошо», – ответила девочка. Минуту мама тупо смотрела в экран, и я тоже, сидя у нее на коленях. Потом в мамином мозгу забрезжило сознание – они еще маленькие, дети. Настина мама ходила беременная. Наверное, родила, а Настя ездила ее встречать. Но эта минута стоила моей маме седых волос.

- Вася, я читала твои сообщения «Вконтакте», – призналась мама.
- Ну и что? Узнала что-нибудь новое для себя? – Вася даже не моргнул глазом.
- В общем, да, – призналась мама.
- Я за тебя рад, – ответил Вася. – Тот, кто владеет информацией, владеет миром.
- Ну да... А мне больше нравится выражение «Меньше знаешь – крепче спишь».

Когда Алиса стала звонить Васе каждый день, мама решила, что это – первая любовь. Оказалось, что мама Алисы, с которой они столкнулись около школы, тоже так думала. Они поумилялись, вспомнили свои первые любви, посмеялись и решили не вмешиваться...

- Что по русскому задали? – спрашивала Алиса, даже без «привета».
- Упражнение сто тридцать четыре, – отвечал Вася.
- Пока, – говорила Алиса.

Вася нажимал отбой.

- Вася, что ты с ней даже не поговоришь? – спросила как-то мама.
- В каком смысле? – не понял Василий.

Алиса продолжала звонить каждый день. У этой девочки есть одна особенность – она физически не может записать домашнее задание. Ну не может, и все. То дневник забудет, то

ручку не найдет. И только за этим – узнать уроки – она и звонит. Ничего личного, только задание.

– А почему она именно тебе звонит? – спросила мама Васю, все еще не веря, что это не любовь.

– Мама, она сидит передо мной, кому ей еще звонить? – удивился он.

– А мальчик, который сидел сзади, меня все время за косичку дергал и ручкой в спину больно тыкал... – вспомнила мама.

– Зачем? – удивился Вася.

– Что «зачем»?

– Тыкал и дергал зачем?

– Я ему очень нравилась, – объяснила мама.

– Тем более непонятно... Тебе же было больно и неприятно...

– Раньше как было? – рассказывала мама папе вечером, переживая, что сейчас дети по-другому выражают симпатию и антипатию. Не так, как их поколение. – Отличники дружили друг с другом, двоечники сидели на галерке и дружили отдельно, были первая красавица класса и главный клоун.

А у них все по-другому. Красавиц в классе сразу пять. И все главные. Два отличника сидят на галерке и без конца болтают. Двоечников вообще нет. Есть, правда, мальчик, который всех смешит. Только на переменах и только после уроков. Ужас.

Недавно Вася пришел с двойкой за поведение. Мама даже обрадовалась и спросила за что. Оказалось, за то, что бегал не на первом, а на втором этаже. На втором бегать нельзя, потому что там своих бегунов хватает. Бегали всем классом. Вася попался первым, на лестнице. Деваться было некуда. Он влип в стену, втянул шею в пиджак и закрыл глаза. Но даже в таком виде был опознан учительницей.

Так все остальные его одноклассники пошли и сдались. И девочки тоже. «Всем коллективом», как сказал Василий. Даже Даня, который, как считалось, никуда из класса не выходил, потому что маленький, пугливый и ранимый (в том смысле, что может на ровном месте получить рану) сказал, что бегал на втором этаже. Правда, ему учительница не поверила, и он очень расстроился, потому что всем двойки поставили, а ему нет. Расстроился не только из-за двойки, а еще из-за того, что это был его первый побег на второй этаж. Он долго собирался, настраивался. Для него это стало целым событием. Потом мама узнала, что даже папа его настраивал – мол, давай, сын, похулигань хоть самую малость. Порадуй отца, от которого когда-то страдала вся школа. И Даня, явно пошедший не в папу, решил. Мало того что никто из одноклассников его противоправного поступка не заметил – они как раз в это время сдавались на другой лестнице, – так еще и учительница не поверила. И доказательств не было. А ему так хотелось, чтобы папа, глядя на красивую красную двойку за поведение в дневнике и гневную запись, обнял его и сказал: «Узнаю, вот это мой сын».

– Они совсем другие... – задумчиво сказала маме мама Алисы.

Она тоже успела поговорить с дочерью про первую любовь, про неразделенные чувства...

– Мам, при чем тут чувства? У меня только Васин телефон есть, и он всегда задание записывает, – не поняла ее дочь.

Вообще, очень смешно, когда Вася делает домашние задания. Я стараюсь оказаться в это время в его комнате, хотя меня выгоняют, чтобы не мешала. Но мама с папой ему мешают больше, чем я.

Требовалось вставить пропущенное слово: «заяц-беляк и заяц....». «Серак», – написал Вася в тетради по окружающему миру и посмотрел в окно.

– Вась, подумай, может, не серак? – едва сдерживаясь от негодования и возмущения, уговаривала мама.

– Очень даже серак! – проговорил проходящий по коридору папа. – Все животные – сераки, особенно весной, когда это серако, пролежавшее всю зиму, пахнет. В парк не зайти!

– Черняк? – сделал еще одну попытку Вася. – А, нет, рысак!

– Правильно! – поддержал Васю папа. – Животные сделают серак, а потом рысакom дают драпака!

Зазвонил мамин телефон. Ее приятельница в это время решала с сыном химическую задачу.

– Слушай, а ты случайно не знаешь, что значит «молекулы колыбаются»? – спросила она.

– Понятия не имею, у меня плохо с химией, – ответила мама.

– Пол-Москвы уже обзвонила, никто не знает, – пожаловалась приятельница.

– Ты уверена, что молекулы, а не, например, атомы или частицы? – спросила мама, набирая запрос в спасительном Гугле.

– Не уверена. Но сын клянется, что именно так говорит учительница – «колыбаются». Может, термин какой-то?

Мама звонила своим знакомым, папа – своим. Никто из них не знал, как колыбаются молекулы.

Тетя Катя, которая помогает маме делать генеральную уборку, выглянула из-под ковра и сказала:

– Мой номер двадцатый, конечно, но я не могу больше смотреть, как вы мучаетесь. На украинском «колыбаются» значит «колеблются». И та задачка решается вот так. – Она вытерла руки и на листочке написала решение.

Мама с папой стояли с открытыми ртами. Очень смешно. Мама взяла у тети Кати тряпку и начала мыть полы. Папа пошел варить тете Кате кофе.

Вася продолжал делать уроки. Он писал мини-доклад. «В ней содержится двести какал», – прочитала мама из-под его локтя, хотя он очень этого не любит.

– Вась, а кто такие какалы? – ахнула она.

– Мама, ты же девочка, все девочки знают, что такое какалы.

– А я не знаю.

– Ну как тебе объяснить... Вот на этикетках пишут...

Какалы оказались килокалориями. Главное, слово оказалось очень действенно для похужения. Мама говорила себе, что съест не булку, а триста какал, не глазированный сырок, а жуткое количество какал. Какалы отбивали у нее аппетит.

А еще недавно Вася выучил полное имя Моцарта – Вольфганг Амадей. И в тетради по русскому так и написал – полностью. Учительница поставила ему пятерку и похвалила при всем классе. Мол, правильно, нужно учить полные имена писателей, композиторов и великих ученых. Вася же теперь этого Моцарта вставляет во всех случаях. Кто ваш любимый композитор? На кого вы хотите быть похожи? С кого из героев вы брали пример? Назовите героя, у которого было трудное детство? Василий понял, что на девяносто процентов вопросов по развитию речи, дополнительному русскому и чтению, не говоря уже про музыку, можно отвечать – Вольфганг Амадей Моцарт. И этот Вольфганг Амадей производит такое впечатление на учителей, что они немедленно ставят пятерки.

Вася проходил в школе тему «Семейный бюджет». Дома надо было составить список расходов семьи за один день и подсчитать сумму. Родители занимались тем же – бились в нервной горячке, подбивая семейный бюджет перед летним отдыхом. Мама кричала, что без моря умрет прямо сейчас, что на неделю ехать бессмысленно, потому что акклиматизация, а если не поедет, то мы, дети, будем болеть рахитом и не вылезем из соплей всю следующую зиму, и это будет на совести папы. Папа тяжело вздыхал и рисовал на листочке портреты политических

лидеров прошлого – верный признак нервного истощения. Вася вздохнул и пошел составлять свой бюджет.

«Мама – гонорар – 12 тысяч», – написал он, а потом зачеркнул цифру несколько раз. Написал: «Не знаю. Мама тоже не знает. Деньги домой не приносит. Тратит по дороге». В пункте «Папа – зарплата» он написал: «50 тысяч», зачеркнул, написал: «30 тысяч», зачеркнул, «10 тысяч» тоже зачеркнул. Написал: «Явно не хватает. Надо что-то делать». Потом он написал: «Сестра Сима», подумал и добавил: «Подорвала семейный бюджет своим рождением». «Мои расходы» – написал он дальше. Оказывается, деньги, которые мама ему дает на пирожки и чай, он ежедневно тратит на мороженое для Алисы.

– Все понятно, – объявила мама радостно.

– Что тебе понятно? – удивился Вася.

Мама никогда не узнает Алису по телефону. Девочка говорит если не басом, то низким баритоном.

– У Алисы всегда был такой голос? – спросила однажды мама Васю.

– Какой? – удивился Вася.

– Низкий...

– Не помню. В этом году всегда. У нее этот, как его, ларнит.

– Может, ларингит?

– Точно. Хронический.

– Бедная девочка...

– Ничего не бедная. Мне нравится ее голос. Хоть не пищит, как все девчонки.

– Все мужчины одинаковые – сексуальную хрипотцу им подавай... – буркнула мама.

– Что? – не расслышал Вася.

– Ничего. Послушай, а если у Алисы хронический ларингит, зачем ты ее кормишь мороженым? Ей же нельзя!

– А чем мне ее кормить? Пирожки ей нельзя, конфеты тоже – она же танцами занимается.

– Тогда давай ты будешь покупать мороженое не каждый день, а раз в неделю?

– Хорошо, – согласился Вася. – Алисе оно уже разонравилось.

– Ты представляешь, что случилось? – спросил Вася через неделю.

– Что?

– Алиса начала говорить, как все девочки. У нее не было этого... как его... Она от мороженого хрипела.

– Это же замечательно! – сказала мама. – Ты что, расстроен?

– Немножко, – признался Вася.

– Лишь бы она не начала пить по вечерам и курить по утрам, чтобы ее голос нравился мальчикам, – прошептала мама.

– Что? – не расслышал Вася.

– Ничего.

На следующем уроке они получили задание начать экономить семейный бюджет, чтобы помочь родителям. Теперь Вася ходит и повсюду выключает свет. Мама носится по квартире, наступая впопыхах на игрушки, падает, бьется о тумбочки и умоляет Васю прекратить экономить электричество. Зубы по вечерам он перестал чистить, мотивируя это необходимостью беречь воду, потому что, как сказала учительница, «вода – это деньги, которые сквозь пальцы утекают в канализацию». Вася точно не мог вспомнить, деньги – это вода, или вода – это деньги.

А еще ему нужно было подобрать и выучить пословицы и поговорки про деньги.

– Время – деньги, – повторяет Вася. – Спасибо в карман не положишь, мал золотник да дорог, береги денежку на черный день. Мам, а черный – это какой?

– На похороны.

– А у нас есть? Кто до денег охоч, тот не спит и ночь. Ага... Вот почему папа не спит...

– Василий, прекрати по-хорошему, – просила мама, решая, куда нам ехать, на сколько и на что потом жить.

– А что, Сима с нами поедет на море? – спросил Вася.

– А что, ты ее дома хотел забыть?

– Разве маленьким детям можно летать на самолете? – не отступал он.

– Вася, не волнуйся, – догадалась мама, что именно его беспокоит. – Сима у нас летит совершенно бесплатно, потому что она еще грудной младенец. Ей даже кресло отдельное не положено. А ты стал маленьким скрягой. Синонимы – жмот, жадина-говядина, скупердяй. Ты меня расстраиваешь...

– Ладно, мама, я пошутил. Будет день – будет пицца! – сказал Вася.

Сто пятьдесят граммов коньяка. Нет, уже два раза по сто пятьдесят. Папа пьет виски, мама – коньяк. У обоих – высшее гуманитарное образование. Они уже час пытаются решить олимпиадное задание, выданное Васе для подготовки. Он давно положил голову на стол и грызет ручку, а мама с папой доделывают.

«Есть в яблоке и сливе, а в саду нет, есть в луке и салате, а в огороде нет».

– Косточка, – говорит папа.

– Сам ты – косточка. Это не на логику, а на русский. Налей еще, – отвечает мама. – «Бороться и искать, найти и не сдаваться». Откуда? Кто автор?

– Каверин. «Два капитана». Стыдно не знать, – упрекает ее папа.

– А-а-а-а! – стонет мама.

«Высокая и строгая, ходит, пол не трогая, кто ни выйдет, ни зайдет, ручку ей всегда пожмет».

– Дверь, – отвечает мама.

– Почему? – удивляется папа.

– Потому что ручка.

– А почему высокая и строгая? Может, учительница? А ручку пожмет в переносном смысле?

– Это к доктору Фрейду. Видимо, у тебя была высокая и строгая учительница, – огрызается мама.

«Напиши название сказки Чуковского, в которой происходит страшное преступление – попытка убийства».

– «Крокодил», – говорит папа.

– А кого там убивают? – пытается вспомнить мама.

– Собаку, – пожимает неуверенно плечами папа.

– Тебе еще биографию Лермонтова читать, – напоминает мама Василию.

– Только не рассказывай мне про него ничего дополнительно, – просит с ужасом в глазах Вася.

В прошлом месяце они проходили Есенина. Папа объяснял, почему Есенин «сам себя убил».

«Понимаешь, Вася, это сложный вопрос», – начал папа, после чего принялся рассказывать про революцию, волну эмиграции, партию большевиков, ЧК, а заодно и про Айседору Дункан и закончил современной политической обстановкой в мире.

– Мама, папа мне все рассказал, я почти ничего не понял. Ты мне главное скажи – как звали Сидорову? – подошел к маме Вася.

– Какую Сидорову? – Мама в это время безуспешно искала стихотворение про природу, но без сеновала, пьянки, падших женщин и замученных животных.

– Гражданку Сидорову, – терпеливо пояснил Вася.

– Какую гражданку? – не поняла мама.

– Не знаю. Папа сказал: тогда были не женщины, а гражданки. А у Есенина – А. Сидорова. А. – это какое имя? И я забыл – она специально такой шарф надела и умерла или потому, что была против политического режима?

Так Айседора в нашей семье стала гражданкой А. Сидоровой.

За рассказ на уроке он получил «пять».

– Ты про что рассказывал – биографию или творческий путь? – уточнила мама.

– Про все. До политики только не дошел.

Теперь их ждал Лермонтов. Ничто не предвещало беды. Бородино, никаких завалинок с селянками, воспитывался бабушкой...

– Его зовут, как дядю Мишу! – обрадовался Вася.

Лучший друг папы – действительно полный тезка поэта.

Дядя Миша, спортивный комментатор, появляется у нас редко, но вспоминаем мы его часто. В памяти Васи он остался как человек, который подарил ему настоящую хоккейную шайбу, после чего напился и упал лицом в кафель. Причем все эти действия произошли буквально одно за другим.

– А Лермонтов любил хоккей? – спросил Вася.

– Нет. Тогда, наверное, не было хоккея, – ответила мама.

– А водка была?

– Была.

– А водку Лермонтов любил?

– Не знаю.

– А у него была женщина?

– Была, наверное.

– Если ты не знаешь, то, значит, была не одна, а много. Как у дяди Миши. А он из-за женщины на дуэли умер?

– Нет, пошутил неудачно.

– Я все понял. Если бы дядя Миша жил раньше, он бы давно умер из-за женщин и водки, а если бы папа жил раньше, его бы убили из-за шуток. Хорошо, что все поэты уже умерли и мы живем сейчас.

– Не все.

– Все, мама, все. А Пэ Ершов пил водку?

– Вася! Не знаю. При чем тут водка? А что?

– Просто получается, что все писатели и поэты пили водку. И только после нее писали.

Про художников я вообще молчу.

За Лермонтова Вася тоже получил «пять».

– Мама, я даже не знаю, как так получилось! Я в середине запутался и начал про дядю Мишу рассказывать. Ну, как будто он – Лермонтов.

– Как это?

– Ну, что дядя Миша Кавказ любит. Он же за тбилисское «Динамо» в детстве болел. Папа говорил, что он в туалете запирался с приемником и матчи комментировал. А еще сказал, что он в армии служил. Папа рассказывал, что дядю Мишу отправили служить куда-то далеко. Только я про его приятельниц не успел. Звонок прозвенел. Кстати, нам нужно выбрать любимого поэта, любого, выучить биографию и одно стихотворение. Ты кого любишь? Бабушка сказала брать Высоцкого.

– Не надо брать Высоцкого. Там... в общем... сложно объяснять...

– Мама, не волнуйся. Бабушка мне уже все про него рассказала. Несчастный человек. А про алкоголь и женщин я с первого класса знаю. Ничего нового.

Когда мама пытается учить Васю – это всегда весело.

– Мама, а у Льва Толстого было тринадцать детей, представляешь? – говорит Василий.

– Нет, не представляю. Очень много, – отвечает мама.

– А когда же он ими занимался, если столько писал? Значит, не занимался он детьми.

А почему он из дома ушел?

– Так он решил.

– И его жена отпустила? И ничего не сделала? У него совести совсем нет – бросать жену и тринадцать детей! Вот ушел, простудился и умер, а был бы дома – жена бы его вылечила.

– А кто такая Полина Виардо? – спрашивает Вася.

– Женщина, которую любил Тургенев, – говорит мама.

– Жена?

– Нет.

– Значит, любовница.

– Это еще что такое? – возмущается и краснеет мама.

– Не что, а кто. Одушевленный предмет. Ты не знаешь? Я тебе сейчас объясню...

– Не надо!

– Гаршин страдал душевной болезнью, долго лежал в больнице. Кончил жизнь самоубийством, – скороговоркой прочитала мама.

– Теперь я все понял... Знаешь, я вот думал, что очень тяжело придумать историю про лягушку-путешественницу. А если он был сумасшедшим, то тогда все сходится. А что он еще написал?

– Я, если честно, не знаю.

– Вот, написал про лягушку и сошел с ума окончательно. Не, лучше даже не начинать сочинять. А то так и будешь автором одного романа и застрелишься от горя...

– Чехов женился на актрисе МХАТа Ольге Книппер, – прочитал Василий, – а у нас Алиса мечтает стать актрисой. Только я на ней ни за что не женюсь.

– Ну, ты не Чехов.

– А она не Книппер!

– Мам, я ничего не понимаю! Кто тут с кем разговаривает?

– Автор, Некрасов, с мальчиком.

– С каким мальчиком?

– Мужичком с ноготок. Вот, Некрасов спрашивает: «Откуда дровишки?», а мальчик ему отвечает: «Из лесу, вестимо».

– Что такое «вестимо»? Где тут мужичок? Почему он с ноготок?

– Потому что маленький, а вынужден работать, как взрослый мужчина.

– Маленькие не могут работать, как взрослые. Мой брат, пока институт не окончит, не сможет нормально, как папа, работать. А этому мужичку еще в школу ходить.

– Тогда были другие времена.

– Времена не выбирают, в них живут и умирают, – пропел Вася, которого папа для общего развития мучил диском Никитиных.

– Василий, займись делом наконец. Возьми книгу почитай! – уже целый час призывала мама.

Вася заболел, сидел дома и маялся от безделья.

– Почему? Ну почему он не читает? Совершенно! Как можно не дочитать «Детей капитана Гранта»? – подал голос папа. – А Сима? Она меня не слушает. Совсем!

Васе папа начал читать книги, когда ему было месяца два. Причем читал он так, как говорит, – быстро и очень тихо.

«Не так надо читать! – говорила ему мама. – В три раза медленнее и в два раза громче». – «Нет, я так не могу, – признавался папа, – смотри, он все понимает...» – «Ничего он не понимает. Он просто на твой голос реагирует».

Сейчас папа отвечает за подбор «серьезной литературы», а мама подкладывает Васе детективы современных писателей, чтобы ребенок «разгружал мозг».

– Почему Сима не любит книги? Она их даже не рвет! – сокрушается папа.

– Потому что она еще маленькая, – отвечает Вася. – Не мучай ребенка.

– Иди сюда, моя девочка! – Папа усадил меня на диван и начал читать «Дюймовочку» – быстро, невнятно и очень тихо.

– Ы-ы-ы, – сказала я и оторвала кусок страницы.

– Сима! – закричал папа. – Фу, нельзя, это же книга.

– Не говори ей «фу», она же не собака, – обиделась мама и тут же заорала: – Сима, фу, плюнь я сказала, нельзя! – Потому что я запихнула оторванную страницу в рот и начала жевать.

– Эта книга еще моих родителей, – стонал рядом папа. – Вытаскивай скорее, может, еще приклеим!

– Ребенок может отравиться, а ты про приклеить! Зачем ты вообще эту книгу достал? Сима еще маленькая! – кричала мама, пытаясь засунуть указательный палец мне в рот и вытащить комочек раритетного издания. Я засунула комочек языком за щеку и сжала десны.

– Мы с Васей в этом возрасте уже «Муху-Цокотуху» несколько раз прочли!

– Сима – девочка, – сказала мама.

– И что? – удивился папа. – Гендерный признак – это аргумент?

– Ты же сам хотел, чтобы она рвала книги! Вот, пожалуйста!

Мама убеждена, что книги для девочек нужно подбирать осторожно, учитывая темперамент и степень подвижности нервной системы ребенка.

Вот ей в детстве были противопоказаны сказки. Она начинала плакать и жалеть отрицательных персонажей. Кощей – старый и немощный – висит на цепях, Баба-яга прозябает в одиночестве, Волка убили с особой жестокостью.

Когда маме было лет десять, бабушка подложила ей Конан Дойля, после чего мама долго спала на полу, боясь, что на нее тоже заползет змея. А в одиннадцать она твердо решила стать гетерой, как Таис Афинская. В двенадцать, после прочтения Цвейга (во всех случаях книги выбирала бабушка), мама оплакивала свою жизнь – у нее не было и никогда, никогда не будет *такой* любви. А в тринадцать, после Тургенева, мама решила обязательно несчастливо выйти замуж.

А еще раньше, когда она была совсем маленькой, бабушка, юрист, специализировавшаяся на делах по разделу имущества, не читала ей сказки – она их рассказывала. На ночь, перед сном, как положено. Мама ждала этого момента – укрывалась одеялом с головой и была готова заплакать в любой момент. Бабушка устраивалась рядом и начинала:

«Жила-была мама-коза. Она целыми днями бегала по городу, цокая своими сбитыми каблуками и оставляя свою единственную дочку-козочку одну в квартире. Дочке-козочке ни в коем случае нельзя было открывать дверь незнакомым волкам, медведям и другим посторонним. Дочка должна была открыть, только если услышит мамин голос.

– Твоя мать пришла, картошки принесла. – Бабушка уставшим прокуренным басом, падая со своих каблуков от усталости, рассказывала сказку.

А еще у них была бабушка, – продолжала она, – которая жила далеко и которой нужно было отвозить пирожки и лекарства. Мама-коза не всегда могла вырваться с работы и отпра-

ляла к бабушке внучку-козочку. Одну, почти трое суток в поезде. Мама-коза все это время не спала, переживая за дочку и за пирожки, то есть деньги для бабушки, которые пришивала с изнанки в потайной карман в сарафан внучки. Но бабушка была уже старенькая и иногда забывала, что к ней должна приехать внучка, а дочка-козочка была очень хорошенькая, в красной шапочке, и случайные попутчики – три поросенка, Лиса Патрикеевна, – которых мама-коза просила присмотреть за дочкой, забирали ее погостить у них на несколько дней. Иногда на перроне маленькую козочку никто не ждал – бабушка лежала в кровати и болела, а попутчики не могли оставить козочку в красной шапочке одну-одинешеньку. Они забирали ее к себе и звонили маме-козе, чтобы узнать, в каком именно лесу живет бабушка. Мама-коза бросала свою работу и ехала искать дочку. Дочка-козочка очень рано узнала о том, что звери не такие, какими хотят казаться, и никому нельзя верить. Ласковая Лиса Патрикеевна хочет выгнать из избушки Зайку-Побегайку и даже съест его с потрохами, если понадобится. А три брата-поросенка, с виду такие веселые и радостные, оставшись втроем, ведут себя как свиньи и хотят сжить со свету старого волка, который живет в хорошем доме за городом. Такая вот сказочка», – вздыхала бабушка. «Мама, а про Золушку расскажи! Там не было имущественных споров!» – просила мама бабушку, хлюпая носом. «Машенька, Золушкина сестра ради принца отрезала себе пятачок, чтобы втиснуться в хрустальный башмачок, – отвечала сонная бабушка. – А вторая сестра палец отрезала. Женщины ни перед чем не остановятся, когда речь идет об имуществе, деньгах и мужчинах». – «А мужчины?» – спрашивала мама. «Мужчинам подавай Золушку – наивную, работающую, желательную сироту, потому что она будет верить каждому их слову, стоять у плиты и не требовать, чтобы муж содержал ее маму». – «А есть хорошие сказки?» – «Есть, наверное, но я их не знаю. Пора спать. Мне завтра, как козе, скакать по трем работам, чтобы заработать на молоко. Спи, моя хорошая...»

А Вася тем временем нашел новый способ чтения – он берет книгу настоящую, например «Остров сокровищ», и ставит такую же аудио-книгу.

– Что ты делаешь? – спрашивает с ужасом папа.

– Читаю в формате 3D, – отвечает Вася.

– Лучше так, чем никак, – говорит мама, вытаскивая у меня изо рта очередную фигурку от книжки-панорамки. – А Симу мы научим читать в пределах кулинарной книги. И хватит с нее. Счастливее будет.

Папа смотрит на маму с ужасом.

Иногда Вася наотрез отказывается делать домашние задания и отдыхает. Почему-то он любит смотреть мои мультфильмы про Козленка, который умел считать до десяти, и Муху-Цокотуху. А еще отбирает у меня развивающий коврик, в который даже я уже не играю, потому что уже большая, ложится под дугу с привязанными на ней пищалками и музыкальным котенком и радостно крутит колечко, чтобы заиграла музыка.

Мама тяжело вздыхает, глядя, как Вася развлекает себя моими погремушками и садится делать задания сама.

«Имеется девять одинаковых по виду шариков. Восемь из них одинаковы по весу, а один – легче. Как двумя взвешиваниями на чашечных весах без гирь найти этот шарик?»

Мама взяла весы для взвешивания продуктов, весы, на которых взвешивается сама, и весы, на которых взвешивала меня, когда я на них еще помещалась. Задачу она так и не решила.

А ночью она сидела на кухне и художественно размазывала по картону пластилин – задание по труду. Вася сказал, что у него палец болит. Когда это увидел папа, то забрал у меня прорезыватель для зубов и долго, задумчиво его грыз.

Вася занимается в шахматном клубе. Это была бабушкина идея.

Она начала играть в шахматы, потому что очень хотела есть. Их сельский шахматный кружок вывозили на соревнования «в город». Там в перерыве между партиями детей кормили пирожками и поили сладким чаем. Сколько влезет. Чем быстрее поставишь мат, тем больше пирожков достанется. За победу давали торт. Для очередного турнира торт сделали невиданный – трехъярусный, с кремовыми цветами и шоколадной крошкой. Бабушка тот турнир выиграла. И съела сразу два огромных куска. Прямо из здания школы, где проходил турнир, ее увезли в больницу – организм, привыкший к голоду, не выдержал. Она до сих пор если и привозит торт, то большой и непременно с розочками. И никогда не съедает ни кусочка. С тех пор она считает, что умение играть в шахматы – это как способность выжить. Даже если завтра война. Бабушка доигралась почти до гроссмейстера.

Мама играть в шахматы не умеет, хотя бабушка и пыталась ее учить. Она рассказывала папе, как, маленькая, сидела над шахматной доской и ничего не понимала. Ни про пешку, ни про е2—е4. Бабушка брала коня и била маму по голове. Мама говорит, что конем получать по темечку больнее, чем ферзем. А еще она до сих пор ненавидит этот звук – перекатывающиеся внутри шахматной доски фигуры. Дрын-дрын. Каждый раз, когда бабушка садилась учить маму, приговаривала: «Ты – не Чибурданидзе». Мама долго была уверена, что это такое ругательство – нечибурданидзе. Как бестолочь. И долго не решалась спросить, нечибурданидзе хуже бестолочи?

Их занятия закончились неожиданно.

– Считай! – закричала бабушка после очередного неудачного хода мамы.

– Раз, два, три, четыре, – послушно начала считать мама, сглатывая слезы.

Бабушка посмотрела на нее так, как смотрела на одноглазую хромую и блохастую кошку, прижившуюся у них в подъезде, – с жалостью, брезгливостью и чувством, что проще убить, чем так мучиться.

Мама похоронила шахматную доску. В прямом смысле слова. Пошла в ближайшую лесополосу, вырыла яму под кустом, положила шахматы, засыпала, сверху хорошенько притоптала и забыла про них. Ей казалось, навсегда.

Мама решила, что Вася должен заниматься музыкой, а папа настоял на теннисе. Бабушка не вмешивалась. Но на восьмой день рождения внука она приехала с подарком. Когда мама его увидела, то побелела и закатила глаза. Бабушка привезла огромную, инкрустированную перламутром, неподъемную шахматную доску и отливающие серебром и сусальным золотом фигуры – рыцарей. Все это в красивом чехле, фигуры – в бархатной коробке. Конем, если ударить по голове, спокойно можно убить. А под доской и похоронить. Так мама сказала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.